

Ф. Дан

К истории последних дней Временного Правительства

Федор Дан

**К истории последних дней
Временного Правительства**

«Public Domain»

Дан Ф. И.

К истории последних дней Временного Правительства / Ф. И. Дан —
«Public Domain»,

ISBN 978-5-457-21951-9

ISBN 978-5-457-21951-9

© Дан Ф. И.
© Public Domain

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ф. Дан

К истории последних дней Временного Правительства

(«Летопись Русской Революции», т. I, Берлин 1923.)

В 10-й книге «Современных Записок» помещена статья А. Ф. Керенского «Гатчина», посвященная моменту гибели Временного Правительства под напором большевистского восстания. Одна страничка этой статьи отведена беседе моей с А. Керенским, происходившей в Зимнем Дворце в ночь на 25 октября 1917 года.

Сведения об этой беседе, сколько мне известно, впервые появляются в печати. Излагая ее содержание, Керенский говорит: «Конечно, я не могу сейчас воспроизвести заявления Дана в его собственных выражениях, но за точность смысла передаваемого ручаюсь».

К сожалению, «ручательство» дано А. Керенским в данном случае не вполне основательно. То ли память ему изменила, то ли в момент беседы он был слишком утомлен и взволнован, или слишком поглощен своими собственными переживаниями и настроениями, чтобы сколько-нибудь вникать в чужие слова и мысли, но только с его передачей беседы случилось как раз обратное тому, о чем он предупреждает читателей своей статьи: отдельные «выражения», быть может, и сохранились, но смысл беседы не только не передан «точно», но прямо-таки искажен, превращен в свою собственную противоположность.

Ни на минуту не заподозрив А. Керенского в намеренном искажении истины, я не стал бы торопиться с восстановлением действительного содержания беседы, если бы речь шла только о личной характеристике моей, как политического деятеля: обличение представителей «революционной демократии» (кавычки принадлежат Керенскому) в том, что эти «искусники» были способны лишь проводить «ночи напролет... в бесконечных спорах над различными формулами», в то время как представители Временного Правительства обнаруживали величайшую государственную проницательность и деловитость, – обличение это, повторяемое Керенским, слишком не оригинально, чтобы надо было спешить вступать в полемику по этому поводу. Но я вместе с Керенским полагаю, что «сцена» нашей беседы была в известном смысле «поистине исторической» в том именно смысле, что в ней очень ярко выявились, на мой взгляд, позиции различных общественных сил, противодействовавших большевистскому перевороту, и выяснились причины полного бессилия Временного Правительства и молниеносного успеха большевиков. В этом отношении «сцена» эта очень важна для характеристики исторического момента Октябрьской революции и понимания всей будущей политики нашей социалдемократической партии по отношению к восторжествовавшему большевизму.

В предотвращение образования новых «исторических» легенд, в добавление к немалому числу уже циркулирующих, я и считаю своим долгом теперь же рассказать, «как это было в действительности».

I

Начать приходится несколько издалека – с деятельности так называемого «предпарламента»-Совета Российской Республики и работы нашей социал-демократической фракции в этом Совете.

У меня в данный момент нет решительно никаких материалов под руками, и писать мне приходится исключительно по памяти. Я ограничусь поэтому лишь самым общим и несомненным, рассказывая более детально отдельные эпизоды лишь в тех случаях, когда рассказываемое легко может быть подтверждено свидетельством десятков участников.

Совет Республики был убудочным, компромиссным учреждением, возникшим из неудачного «Демократического Совещания» в Петрограде, в сентябре 1917 г.

Идея Демократического Совещания, созванного после и в противоположность Общегосударственному Совещанию в Москве, связывалась в умах инициаторов его с сознанием необходимости образования однородного демократического правительства взамен правительства коалиционного, правительства с участием представителей буржуазии, явно начавшего разваливаться после пресловутого июньского наступления на фронте и получившего смертельную рану в дни Корниловского восстания. Я не берусь утверждать, что все руководящие члены Центрального Исполнительного Комитета так именно смотрели на задачи Демократического Совещания, но могу категорически утверждать, что так именно смотрели на них наиболее видные члены ЦИК, и такова именно была моя собственная точка зрения. Доказательство тому – не только тот факт, что на заседаниях более интимного кружка, получившего шуточное прозвище «звездной палаты» и привлекавшего в это время к своим занятиям ряд лиц, постоянно в его состав не входивших, серьезно обсуждались списки возможных кандидатов в будущее демократическое правительство (одним из авторов таких списков был я), но и вся та литературная кампания по подготовке Демократического Совещания, которую я вел – в согласии с президиумом ЦИК – в передовицах «Известий».

Мысль, руководившая нами при созыве Демократического Совещания, состояла в том, чтобы попытаться создать демократическую власть, опирающуюся не только на те элементы революционной демократии, в тесном смысле этого слова, которые сосредоточились в Советах, но и на те, которые имели прочную базу в кооперативах и органах местного самоуправления (городских думах и земствах). Считая, что положение будущего демократического правительства будет крайне затруднительным, мы полагали необходимым привлечь к участию в нем эти демократические силы, в которых ценили навыки к практической общественной работе, особенно в хозяйственной области, и органическую связь с широкими народными массами, – прежде всего с крестьянством и демократическим мещанством. Нас поощряли к тому успехи в деле сближения с этой «не советской» демократией, достигнутые еще на Государственном Совещании в Москве: как известно, после долгих споров и пререканий, и кооператоры, и демократические представители земств и городов подписали политическую и экономическую платформу, составленную делегацией ЦИК и оглашенную Чхеидзе от имени всей демократии на заседании Совещания 14 августа.

Однако «не так склалось, яко ждалось»: демократического правительства из Демократического Совещания не вышло. Более того. Официальным представителям ЦИК пришлось с самого начала отказаться от проведения на Совещании линии безусловного разрыва коалиции и создания чисто демократической власти, а отстаивать лишь выработку платформы, на основе которой могли бы принимать участие в правительстве все группы, готовые эту платформу проводить в жизнь. Я лично без особого восторга относился к такого рода политике после того, как столько прекрасных «платформ» было написано со времени образования первого коалиционного правительства без сколько-нибудь решительного результата в

смысле проведения в жизнь того, что в этих «платформах» было самого существенного. Но для данного момента я не видел другого исхода и потому на самом Демократическом Совещании его и отстаивал.

Главная причина неудачи заключалась в позиции, занятой группами «не советской» демократии. При подробном обсуждении положения с представителями этих групп обнаружилось, что они несколько иначе смотрят на подписанную в Москве программную декларацию, чем я и значительное число ближайших моих товарищей по ЦИК. В то время, как для нас это была программа ближайшей деятельности правительства, подлежащая немедленному осуществлению, для них это были, в лучшем случае, лишь общие директивы, «в духе» которых правительство должно действовать, но полное проведение которых в жизнь есть вопрос более или менее отдаленного будущего. Переоценивая вес и значение своей «почвенной» связи с массами и относясь поэтому даже с оттенком презрения к большевизму, как к явлению налетному и едва ли не «столичной» выдумке, не имеющей «корней» в «низах», представители «не советской» демократии не только не видели необходимости в резком разрыве с политикой коалиции, но наотрез отказались участвовать в образовании чисто демократической власти. Они не только начисто отрицали возможность каких бы то ни было попыток образовать правительство со включением в его состав большевиков, но, ссылаясь на свой «опыт», утверждали, что и без большевиков чисто демократическое правительство не будет «признано» населением, вызовет лишь анархию и немедленную гражданскую войну. Мне очень врезалось в память одно из последних утренних собраний «звездной палаты» в кабинете М. И. Скобелева с участием представителей не-советской демократии перед самым Демократическим Совещанием. Запомнились мне среди присутствующих: Руднев (московский городской голова), педагог Душечкин, кооператор Беркенгейм и др. Здесь буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти, после того, как оглашенному мною списку проектируемого правительства было противопоставлено категорическое и единодушное *roп rossumus* (Не можем. *Ред.*) всех «не советских» демократов без исключения! Все они заявили, что в состав чисто демократического правительства не войдут.

Тогда оставался-теоретически! – только один путь для немедленного разрыва коалиции: образование правительства с большевиками, не только без «не советской» демократии, но и. против нее. Этот путь мы считали неприемлемым при той позиции, которую занимали уже к этому времени большевики. Мы отчетливо сознавали, что вступить на этот путь значило вступить на путь террора и гражданской войны, проделать все то, что впоследствии и действительно вынуждены были проделать большевики. Ответственность за такую политику не коалиционной власти ни один из нас брать на себя не считал возможным.

При таких условиях Демократическое Совещание оказалось, в сущности, беспредметным. Главная цель, ради которой оно было задумано, исчезла. Оно превратилось просто в арену совершенно ненужной и даже вредной концентрированной перепалки с большевиками. Вместо укрепления позиций демократии оно привело к их ослаблению.

Однако, была сделана еще одна попытка образования чисто демократической власти в связи с Демократическим Совещанием. Это было, если не ошибаюсь, на замкнутом собрании представителей всех групп Демократического Совещания, на котором делали доклад Керенский, Верховский и, помнится, еще кто-то из министров. Керенский заявлял о своей готовности передать власть демократическому правительству, если ЦИК признает это нужным. Каменев много говорил о необходимости покончить с коалицией и убеждал президиум ЦИК взять власть в свои руки, обещая демократическому правительству поддержку большевиков. Тогда я в упор поставил Каменеву вопрос: обязуются ли большевики поддерживать новое правительство до Учредительного Собрания? После совещания большевиков между собою, Каменев ответил от их имени, что поддерживать демократическое правительство

они берутся, но не до Учредительного Собрания, а лишь до советского съезда, т. е. каких-нибудь 3–4 недели. Это была явная насмешка, и конечно, о создании такой власти-поденки не могло быть и речи, тем более, что при таких условиях вся «поддержка» сводилась бы в лучшем случае к отказу от попыток насильственного свержения до недалекого уже съезда, и только. Бешеная демагогическая агитация против не большевистских социалистических партий велась бы без ослабления, хотя бы уже ради того, чтобы бороться за большинство на съезде. Таким образом, и этот путь преобразования правительства в однородно-демократическое-путь перехода власти в руки тогдашнего советского большинства-оказался закрыт, и в результате Демократического Совещания мы получили даже не коалиционное правительство, а какой-то коалиционный недоносок: ни один из сколько-нибудь видных вождей социалистических партий в правительстве не участвовал; но и «министры-капиталисты» не принадлежали к руководящим буржуазным партиям, а были сплошь «дикими». Правительство по-прежнему весьма мало руководилось «платформой» 14 августа в тех ее частях, которые с точки зрения социалистических партий в данное время были особенно важны: вопросы о войне и мире, о регулировании промышленности и торговли, о земле почти не двигались с места или двигались таким черепашьям темпом, который совершенно не соответствовал катастрофической обстановке, не допускавшей «откладывания» их до Учредительного Собрания, которое, в свою очередь, откладывалось с месяца на месяц во имя совершенства избирательной процедуры. Вместо смелого приступа к решению основных политических и социальных вопросов момента, – решению, которое могло бы укрепить власть, подводя под нее прочный фундамент народных симпатий, правительство, возглавляемое Керенским, увлеклось чисто формальной идеей создания «сильной власти», опирающейся неизвестно на что и на кого: последние 2–3 месяца существования Временного Правительства целиком наполнены стараниями его разрешить задачу квадратуры круга-создать правительству опору в виде военных сил, которые сами неудержимо разлагались вследствие утраты надежды на скорое заключение мира. Отсюда – непрерывный ряд трагикомических эпизодов, вплоть до всевозможных недоразумений с Корниловским восстанием, и вечно обманутые надежды и мечтания, о которых так охотно повествует А. Ф. Керенский, все свои неудачи приписывающий единственно интригам против него, зависти, властолюбию, непониманию, предательству и т. д., и т. д. Понятно, почему отношение социалистических партий к политике коалиционных правительств становилось, выражаясь мягко, все более критическим, а после Демократического Совещания-зачастую и прямо враждебным: напомним, что наша партия сочла даже нужным исключить из своих рядов А. М. Никитина, занимавшего в последнем коалиционном правительстве пост министра внутренних дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.